

КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КАЗАКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»

(Апатиты, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5071-4947; k.kazakova@ksc.ru

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ПРИХОДСКИХ ШКОЛ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В 1890–1910-х ГОДАХ

А н н о т а ц и я . На основании широкого круга архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, рассматривается вопрос материального обеспечения учителей церковно-приходских школ Кольского Севера в 1890–1910-х годах. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения влияния материального фактора на социо-профессиональный статус учительства. Показано, что материальные условия жизни в отдаленных северных приходах были тяжелыми, особенно трудной считалась служба в саамских погостах. Дискурс о суровых условиях жизни на Севере прослеживается как в документах Кемско-Александровского уездного училищного отделения, так и в личных прошениях учителей того времени. Размер учительского жалования на протяжении рассматриваемого периода постоянно увеличивался, однако самим учебным начальством признавался «скудным и недостаточным». Суровый климат, дороговизна жизни, отсутствие своего жилья и хозяйства приводили к частой ротации учительских кадров. Делается вывод о том, что жизнь учителей церковных школ была тесно связана с жизнью всего местного сообщества Кольского Севера.

К л ю ч е в ы е с л о в а : учительство, материальное положение, качество жизни, церковно-приходская школа, Кольский Север

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Казакова К. С. Материальное обеспечение учителей приходских школ Кольского Севера в 1890–1910-х годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 102–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1189

ВВЕДЕНИЕ

В конце XIX – начале XX века церковная школа стала эффективной частью системы начального образования в Российской империи. Вопрос о финансировании приходских школ на протяжении всего периода их существования был одним из самых сложных. Согласно «Правилам о церковно-приходских школах» 1884 года, они должны были содержаться не только за счет государственной казны, но в большей степени обеспечиваться епархиальным начальством и самими приходами. Предполагалось, что местные средства должны покрывать расходы на содержание школьных зданий и выплату жалования учителям. Условия работы и качество жизни сельских учителей могли сильно отличаться в зависимости от места проживания.

Материальные условия жизни учительства как особой социо-профессиональной группы русской интеллигенции рассмотрены в работе В. Р. Лейкиной-Свирской, которая показывает зависимость учителей от государства и государственных чиновников [10]. Социальный облик народных учителей и их роль в жизни провинциального общества Европейского Севера в конце XIX – начале XX века рассмотрены в монографии Н. К. Гуркиной [3]. В современной историографии исследователи все чаще обращаются к региональному материалу, позволяющему выявить локальные особенности провинциального учительского сообщества. Например, материальное положение и социально-культурный облик сельского учительства конца XIX – начала XX века подробно рассматриваются в целом ряде ра-

бот на материалах Олонецкой губернии [4], [5], [8], [9].

Кольский Север – окраинный регион Европейского Севера России, имеющий свою этническую специфику. Как отмечают исследователи, заселение и освоение заполярных территорий – во многом уникальный опыт социальной истории [13]. Одним из активных акторов включения окраинных территорий в пространство русской культуры была Русская православная церковь, обеспечивающая, благодаря созданию на Кольском Севере сети православных приходов, поддержание российской государственности и защиту национальных интересов в полиэтнической среде местного населения. Распространение православной культуры среди коренного саамского населения и поморов, населяющих побережье Белого моря, осуществлялось в том числе через развитие церковного образования в приходах. Если священство, занимавшееся миссионерской и просветительской деятельностью, попадало в фокус внимания исследователей [1], [6], то формирование учительства как социокультурной группы и проблема материального положения учителей церковно-приходских школ Кольского Севера конца XIX – начала XX века ранее не являлись предметом изучения в работах по истории начального образования дореволюционного периода.

В статье на основании архивных материалов фонда Архангельского епархиального училищного совета (Государственный архив Архангельской области, далее – ГААО. Ф. 28) и его уездных отделений (Кольского (Государственный архив Мурманской области, далее – ГАМО. Ф. И-133), Кемско-Кольского (Национальный архив Республики Карелия, далее – НА РК. Ф. 419), Кемско-Александровского (НА РК. Ф. 411)) анализируется социальный портрет учителей приходских школ Кольского Севера в 1890–1910-х годах и вопрос их материального обеспечения.

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ

Согласно документам Архангельского епархиального училищного совета и Кольского уездного отделения, в 1880-е годы развитие школ на Кольском Севере происходило исключительно за счет инициативы местных священников, которые брали на себя труд преподавания в открываемых ими школах. Бедность северных приходов не позволяла выделять средства для выплаты жалования отдельным учителям. Приходские священники являлись инициаторами учреждения церковных школ, убеждая население «в пользу грамотности» и необходимости финансовой

поддержки школьного дела, активно участвовали в строительстве школьных домов, наполнении школьных библиотек, изучении «лопарского наречия». Вся эта работа велась священниками, как правило, безвозмездно, то есть без назначения особого жалования, положенного учителям церковно-приходских школ [7]. Исследователи отмечают, что привлечение священников и церковных служащих как основных учителей позволяло существенно удешевить систему церковного начального образования, так как вознаграждения за учительский труд, хотя бы и в размерах обычной оплаты учителя земской школы, для них не предусматривалось [2: 108].

По мере развития системы начального образования на Кольском Севере начинает формироваться особая социокультурная группа учителей, для которых преподавание являлось профессией и источником основного заработка. В уездное училищное отделение с прошением о назначении «особого» учителя в приходскую школу мог обратиться священник, мотивируя свою просьбу занятостью по приходу или состоянием здоровья. Решение о необходимости назначения отдельного учителя и выделения для этого средств могло быть принято на заседании уездного отделения при рассмотрении отчета уездного наблюдателя церковно-приходских школ. И в том, и в другом случае председатель отделения обращался с отношением в Архангельский епархиальный училищный совет. Например, в 1897 году председатель Кольского уездного училищного отделения священник Кольского прихода Алексей Шилов просил Епархиальный училищный совет о назначении учителя в церковно-приходскую школу довольно многочисленного прихода в Варзуге, так как священник Михаил Истомин был занят исполнением обязанности благочинного Второго Кольского благочиния, а псаломщик был очень стар¹. В «лопарских» школах (Ловозерской, Кильдинской, Нотозерской, Печенгской) училищное отделение признавало необходимым назначение отдельных учителей, так как только в этом случае представлялось возможным требовать от них исполнения программ². Отмечалось, что в тех школах, где учителями состояли члены причта, на время треб ученикам давались самостоятельная работа или они распускались по домам³.

В школах северных приходов детей обучали выпускники духовных и учительских семинарий, второклассных школ, выпускницы Архангельского женского епархиального училища. Согласно отчету за 1896/97 учебный год, в Кольском уезде преподавателей церковно-приход-

ских школ было 19 человек: священников – 8, диаконов – 1, псаломщиков – 1, учителей – 4, учительниц – 5⁴. Из них законоучителей, преподающих только Закон Божий, было 7, все предметы – 1, учителей, преподающих все предметы и Закон Божий, – 3, преподающих только общие предметы – 3 (1 диакон, 1 псаломщик и 1 член клира), учительниц, преподающих общие предметы, – 5⁵. Председатель Кольского уездного училищного отделения священник Алексей Шилов писал в годовом отчете за 1896 год:

«Настоятельная нужда существует в учебном персонале для церковных школ в здешнем уезде с суровым климатом и особо тяжелыми условиями жизни, мало желающих занимать учительские места, и посему приходится замещать свободные учительские вакансии лицами, недостаточно подготовленными к учительской должности»⁶.

В отдельные школы Кольского Севера иногда не находилось учителей, желающих занять вакантное место, даже среди кандидатов с неоконченным курсом духовного училища или семинарии. Например, в Кашкаранской школе после ухода учительницы Екатерины Виноградовой место было вакантно в течение четырех лет, так как назначаемые Советом лица отказывались от должности⁷. Обязанности учителя в эти годы исполняли приходской священник Николай Павловский и его жена Серафима Павловская, выпускница Архангельского епархиального училища. В Сонгельской лопарской школе в 1899/1900 учебному году после ухода учительницы Екатерины Щеколдиной за отсутствием желающих занять должность и неимением в Сонгельском погосте своего священника занятий в школе не проводилось⁸. В большинстве случаев отказ от назначения в Кольский уезд Архангельской губернии⁹ или прошение о переводе в другое место после непродолжительного времени службы во многом были связаны с размером жалования, которое самим учебным начальством признавалось «скудным и недостаточным» в тяжелых условиях жизни на Севере.

УЧИТЕЛЬСКОЕ ЖАЛОВАНИЕ

Размер учительского жалования в разных приходах Кольского Севера был неодинаков и зависел от ряда факторов: размера денежных взносов на содержание школы в том или ином селе или погосте, статуса школы (церковно-приходская или школа грамоты). В отчете уездного наблюдателя церковно-приходских школ священника Василия Мелетиева за 1899 год значилось, что учителя и учительницы Александровского уезда получают за свой труд от 120 до 180 руб.

в год. Исключением была Ловозерская школа, где жалование учителя составляло 240 руб. в год, так как школа находилась на содержании Архангельского комитета православного миссионерского общества¹⁰. Как свидетельствуют документы, в Сонгельской лопарской школе учитель получал столько же из средств Совета¹¹.

Жалование учителя в школах Кольского Севера складывалось из двух сумм – назначенного пособия от сельского общества и епархиальных средств. Например, в Варзуге первоначально на жалование учительнице Анне Кортаевой от сельского общества было назначено 120 руб. с тем, чтобы жалование выдавалось ежемесячно под расписку. Свет, согласно приговору 1886 года, для себя учительница должна была иметь свой, прислуга и отопление назначались от общества¹². И. Ф. Ушаков приводит данные о том, что в среднем на мужскую душу населения Варзуги приходилось 67 руб. 84 коп. годового дохода. Средняя цена пуда муки составляла 1 руб. 58 коп., пуда соли – 40 коп., пуда сахара – 8 руб.¹³ В отличие от учителей, служащих в Олонецкой губернии, для которых ведение собственного хозяйства было подспорьем в материальном отношении [8: 162], учителя на Кольском Севере не занимались сельским трудом и промысловой деятельностью, поэтому все продукты вынуждены были приобретать.

Приговором Умбского сельского схода на содержание учителя собиралось по 20 коп., всего с 211 человек – 42 руб. 20 коп. В приговоре 1892 года отмечалось: «Просим по недостаточности нашего общества ассигновать с церковью нашей волости еще 50 рублей и выделить 27 руб. 80 коп. из сумм Епархиального училищного совета». Таким образом, жалование в 120 руб. складывалось из разных источников. Квартира для учителя нанималась от общества, для этой цели оно нанимало одну комнату с мебелью в доме крестьянина Федора Тарасова за 12 руб. в год; обязательство освещать помещение училища и квартиру учительницы жители села также брали на себя¹⁴. В Кашкаранцах от общества выделялась сумма в 50 руб., в поморских селах Тетрино, Чаванье и Пялице – по 60 руб. в год. Выделяемые крестьянами средства дополнялись из сумм местных церковей или средств Епархиального совета до определенного Советом денежного оклада.

В приходах Первого Кольского благочиния, располагавшихся в саамских погостах и колониях Мурманского берега, жители брали на себя только обязательства по отоплению и освещению церковных школ. Расходы на жалование

учителям «по бедности лопарей» почти полностью покрывались из средств Епархиального совета. Например, в приговоре об открытии школы в Сонгельском погосте в 1890 году указывалось, чтобы «учитель ввиду скудости наших средств не требовал за учение от нас вознаграждение»¹⁵. Исключением была Ловозерская школа, открытая Архангельским Миссионерским комитетом, и Баркинская церковно-приходская школа, которую содержал на свои средства Трифоно-Печенгский монастырь.

Согласно архивным документам, материальные условия в отдаленных северных приходах были достаточно тяжелыми, особенно трудной считалась служба в саамских погостах. Дискурс о суровых условиях жизни на Севере прослеживается как в делопроизводственных делах Кемско-Александровского уездного училищного отделения, Епархиального совета, так и в личных документах учителей того времени. Председатель Кемско-Кольского уездного училищного отделения¹⁶ священник Василий Мелетиев, занимавший эту должность с 1898 по 1914 год, а также исполнявший обязанности уездного наблюдателя церковных школ, неоднократно писал в Епархиальный совет о необходимости увеличения жалования для учителей окраинных уездов Архангельской губернии – Кемского и Кольского. В докладе отделению за 1899 год он отмечал:

«Существующее вознаграждение совершенно недостаточно для обеспечения, потому что оно совсем не соответствует стоимости самых необходимых жизненных продуктов, стоящих в Кемском и Александровском уездах весьма дорого. Кроме того, трудное вообще дело учительства в школах в местностях с инородческим населением значительно осложняется и становится весьма трудным, потому что здесь на окраинах русский язык, которым владеют учащие, является чуждым учащимся. Таким образом, несмотря на то, что на долю учащих в инородческих школах выпадает двойной труд (они должны научить учащихся русскому языку), материальное положение их является совершенно несоответствующим этому труду»¹⁷.

Отделение обращало внимание Совета на то, что все другие ведомства, принимая во внимание тяжелые условия службы в Кемском и Кольском уездах, считают справедливым назначать «усиленное вознаграждение». В пример приводилось жалование чиновников, фельдшеров, повитух и даже лесных объездчиков, которые получали больше, чем учителя церковных школ:

«Труд их ни в каком отношении не может быть сравним с трудом учителей и учительниц ввиду важности труда последних и значительной затраты энергии при 5–6-часовых занятиях днем в неблагоприятных

школьных помещениях и вечером при приготовлении к урокам»,

– говорилось в документе. В качестве резолюции уездное отделение постановило признать необходимым увеличение учительского жалования, для чего, по подсчетам отделения, требовалось выделение кредита в размере 1740 руб. в год в дополнение к казенным 2544 руб. и местным 336 руб. на церковно-приходские школы и 1100 руб. в дополнение к 960 руб. казенным, 120 руб. местным и 340 руб. от Миссионерского комитета на школы грамоты¹⁸.

В том же 1899 году священником Василием Мелетиевым в Епархиальный совет был отправлен документ «Основания, по коим учащим в церковных школах, подведомственных Кемско-Александровскому отделению Епархиального совета, испрашивается увеличенные оклады жалования»¹⁹, в котором он писал о том, что учителям в поморских школах Кемского и Александровского уездов, находящихся по Терскому берегу Белого моря, необходимо увеличить ежегодно получаемое ими содержание до 240 руб., а в инородческих школах (карельских и лопарских), а также в Понойской школе – до 300 руб. Причины необходимости увеличения окладов заключались, по мнению председателя отделения, в особенной дороговизне жизни в Кемском и Александровском уездах, значительной отдаленности школ этих уездов от других населенных пунктов губернии. Обращалось внимание на миссионерское значение школ Александровского уезда для «инородцев», а также необходимость благоустроенных церковных школ в Кемском уезде, население которого, как значилось в документе, почти поголовно заражено расколом, а карельское население, кроме того, во время отхожих промыслов в Финляндии приобретает склонность к протестантизму. «При существующих окладах жалования весьма трудно привлечь в них (школы. – К. К.) правоспособных учащих лиц», – писал председатель отделения²⁰.

В августе 1900 года Кемско-Александровское отделение отправило в Совет ведомость об испрашиваемых денежных пособиях на содержание школ с пространном рассуждением о необходимости увеличения размера вознаграждения учителя уже до 300 руб. в год в русских школах и до 360 руб. в «инородческих».

«Когда отделение просило назначить каждому из учащих по 240 рублей, то не считало такого пособия вполне достаточным и указывало на него исключительно с той целью, чтобы Епархиальный училищный

совет увеличил размер вознаграждения учащим и тем улучшил их материальное положение. <...> Между тем, в настоящее время выяснилось, что и размер вознаграждения в 240 рублей недостаточен для обеспечения даже в русских школах»²¹,

– говорилось в документе.

Председатель Кемско-Александровского училищного отделения священник Василий Мелетиев указывал на кадровую проблему в подведомственных отделениях школах, когда из-за неудовлетворенности обеспечения учителя старались переходить на службу в другие уезды или совсем оставлять учительское поприще, причем указанное явление наблюдалось не только среди учителей, окончивших курс духовной семинарии, и учительниц, окончивших епархиальное училище, но также не окончивших курс и даже с низшим образованием. Василий Мелетиев отмечал, что большинство школ находится в местностях, значительно удаленных даже от уездных городов, вследствие чего все продукты крайне дороги, кроме того, большинству учителей приходится жить и работать в неудовлетворительных гигиенических условиях, поэтому их стремление переходить на службу в школы других уездов или даже оставлять ее вполне понятно²².

Анализ профессиональных учительских траекторий позволяет сделать вывод о том, что постоянная ротация учительских кадров была характерна почти для всех школ Кольского Севера. Например, выпускники второклассных школ Русского Севера, получая должность в поморских школах грамоты, в условиях дефицита кадров уже через год переводились в церковно-приходские школы, где жалование было выше, а затем с приобретением опыта могли претендовать на место в южных уездах губернии. О жаловании как инструменте формирования квалифицированного учительского сообщества на северных окраинах Российской империи писали в конце XIX века многие: и священники приходов, и известные чиновники по крестьянским делам, входившие в состав уездного училищного отделения, П. А. Таратин и А. А. Мухин.

Частая ротация учительских кадров в школах Кольского уезда заставляла епархиальное начальство искать возможности выделения дополнительных средств. Если часть жалования, назначаемая учителю на сельском сходе от крестьянского общества, оставалась неизменной или даже уменьшалась, то сумма, выделяемая Советом, постепенно увеличивалась. Так, жалование учительницы в Варзуге в 1900 году составляло 240 руб., из которых 192 руб. выплачивало

училищное отделение, а 48 руб. – сельское общество. С 1902 года жалование равнялось 300 руб.: 252 руб. от отделения и 48 руб. от общества²³. В декабре 1909 года Епархиальный училищный совет сообщал, что с 1 января 1910 года жалование учителей Сонгельской, Нотозерской и Кильдинской школ будет увеличено до 300 руб., если это будет возможно сделать из средств Совета²⁴.

В школах грамоты Кольского Севера жалование учителя было ниже, чем в церковно-приходских, и составляло в разные годы от 120 до 210 руб. В феврале 1905 года в Архангельскую епархию из Училищного совета при Святейшем Синоде было переправлено анонимное письмо за подписью «бывший учитель», в котором автор сообщал о недостатках школьной жизни в Архангельской губернии²⁵. В частности, обращалось внимание на то, что учителя школы грамоты получают по 10–12 руб. в месяц, а учителя церковно-приходских школ по 25–35 руб., что свидетельствовало о существовавшей социальной проблеме в сфере народного образования. На Кольском Севере прожить на такое жалование было очень сложно, поэтому учителями в школах грамоты были, как правило, местные священники или псаломщики.

Личные прошения учителей Кольского Севера о выдаче вспомоществования в связи с различными жизненными ситуациями, о соблюдении долговых обязательств перед Советом или отдельными лицами свидетельствуют о том, что назначаемое жалование не покрывало самых скромных расходов на жизнь. Таковы, например, прошение учителя Понойской школы Федора Митусова в Епархиальный совет в июне 1904 года о выдаче заимообразно 20 руб. для путешествия на Родину²⁶ или письмо учителя Кашкаранской школы Петра Лыскова ректору Архангельской духовной семинарии в 1906 году с просьбой «в виду скудных средств» дать отсрочку в уплате долга 10 руб., взятых заимообразно²⁷. Прощение учителя Ловозерской школы Николая Труфанова в августе 1912 года содержит просьбу к Епархиальному совету «снизойти к бедственному материальному положению и оказать денежное вспомоществование в размере по своему усмотрению»²⁸. Учитель сообщал, что, закончив обучение в Понойской школе, он поступает на службу в Ловозерскую миссионерскую школу, однако попасть в погост сможет только в ноябре, когда установится зимний путь, а до этого, будучи человеком семейным, вынужден снимать жилье и обеспечивать себя освещением в колонии Рында на Мурманском берегу, на что у него средств нет. Совет, рассмо-

трев прошение, постановил выделить Труфанову 25 руб. из епархиальных сумм. Личные прошения учителей, несомненно, могут являться отдельной темой для исследования, в контексте данной статьи отметим, что нами были выявлены прошения, касающиеся финансовых вопросов, написанные только учителями. Можно предположить, что учительницы церковных школ до вступления в брак могли рассчитывать на помощь семьи, а после замужества, как показывают документы Епархиального совета, часто оставляли учебное ведомство.

МЕСТНЫЕ СРЕДСТВА СОДЕРЖАНИЯ ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛ

Отдельной проблемой обеспечения учителей Кольского Севера были сложности с получением назначенного жалования. Как правило, средства из уездного отделения высылались на имя заведующего школой священника по полугодиям, с тем чтобы он выдавал определенную сумму учителю ежемесячно. Как показывают документы, по разным причинам выплаты могли производиться несвоевременно, что вынуждало учителей обращаться в Епархиальный совет с просьбой разобраться в ситуации. Так произошло с учителем Ловозерской школы Иваном Яковлевичем Ивановым, который весной 1894 года обратился в Совет с донесением о невыплате положенного жалования. Из объяснения заведующего школой священника Николая Шмакова на имя епископа Никанора становится понятно, что деньги в размере 150 руб. от Архангельского миссионерского православного общества, за счет которого содержалась школа, были высланы с пометкой «на содержание школы», поэтому священник не расходовал эти средства на жалование²⁹. Предписание о необходимости выплаты жалования из уже присланных средств отец Николай получил в почтовой конторе в Рынде уже в июне 1894 года, когда направлялся на пароходе по служебным делам в Архангельск, но не выполнил предписания, так как не смог встретиться с учителем. Пока шло выяснение обстоятельств дела, отец Николай Шмаков выдал учителю под расписку 58 руб. из средств, предназначенных на приют при школе. Из рапорта председателя Кольского уездного училищного отделения за 1894 год следует, что практика, когда жалование учителям по разным причинам выплачивалось с задержкой и они вынуждены были «кредитоваться» у разных лиц, была в Кольском уезде довольно распространенной³⁰. В этом отношении ситуация материальной зависимости учительства

от местного общества в конце XIX века была схожа с уездами соседней Олонецкой губернии [4: 155] и другими крайними регионами Российской империи [12].

Если деньги на содержание церковных школ из центра высылались регулярно, то местные средства, определенные на сельском сходе на содержание учителя, иногда собирались с большим трудом. В условиях усиливающейся бедности и снижения доходов от промысловой деятельности в годы Русско-японской войны многие сельские общества Кольского Севера с трудом собирали положенные на содержание школы общественные взносы. Например, учительница Варзугской школы Александра Рязанова сообщила в уездное отделение о том, что священник Николай Попов отказывает в выдаче денег из местных средств, следующих в счет ежемесячного жалования по 10 руб. с 1 июля 1904 года. «Получая 15 рублей из сумм Святейшего Синода при дорогом содержании здесь жить невозможно, прошу исходатайствовать полное жалование по 25 рублей в месяц», – рапортовала учительница³¹. Из документов отделения следует, что священник смог выплатить жалование только после вмешательства чиновника по крестьянским делам II участка Александровского уезда, который напомнил крестьянам о необходимости платить учительнице по 10 руб. в месяц жалования³². Однако сделано это было с большим трудом, так как, согласно донесению волостного старшины, крестьяне села Варзуга к осени 1904 года и так имели огромную задолженность по казенным вспомоществованиям из-за неудачных семужьих промыслов. Ввиду недостаточности местных средств единственным выходом было ходатайствовать перед училищным советом об освобождении общества от уплаты 120 руб. на жалование учительниц³³.

В том же 1904 году без жалования остались и учителя Чапомской и Пялицкой школ грамоты.

«Население на Терском берегу бедствует, так как уже два года не было улова семги и промысла зверей, единственного источника средств к жизни для крестьян, все без исключения жители получают хлеб заимообразно из магазинов продовольственного комитета и кроме хлеба почти не имеют никакой иной пищи»,

– сообщал в Совет председатель Кемско-Александровского отделения, прикрепляя к донесению прошения учителя Чапомской школы Егора Котцова и Пялицкой школы Анны Синцовой о выплате им жалования из средств Совета, считая по 5 руб. в месяц³⁴. В 1904 году было удовлетворено прошение Кашкаранского сельского

общества о снятии с них расхода в 48 руб. на жалование учителю по «бедности и малонаселенности домохозяев»³⁵. Таким образом, из анализа представленных документов видно, что с начала XX века сельские общества Терского берега Белого моря один за другим направляют прошения об освобождении их от взносов на учительское жалование. Если приходские школы соседней Олонецкой губернии получали заметную помощь от земств [11], то на Кольском Севере в силу их отсутствия можно было рассчитывать только на увеличение финансирования из центра.

Нежелание крестьян платить установленные на сельских сходах суммы на содержание церковных школ подкреплялось появлением на Кольском Севере в начале XX века министерских начальных училищ, которые полностью содержались за счет казны. Министерские училища открылись г. Александровске, в поморском селе Варзуга, в саамском погосте Нотозеро, колониях Мурманского берега – Баркино, финской колонии Ура-губа, норвежском Цып-Наволоке и др. В 1908 году все сельские общества и церкви Кольского Севера решением Епархиального совета были освобождены от взносов на жалование учителям, а необходимые средства стали выделяться из сумм земского сбора³⁶.

Учительское вознаграждение в министерских школах Кольского Севера, как и в других регионах, было выше, чем в церковных. Разница окладов побуждала некоторых учителей церковных школ переходить в министерские, что еще больше усугубляло ротацию учительских кадров. Например, в марте 1906 года учитель Кашкаранской церковно-приходской школы Петр Алексеевич Лысков обратился с прошением к председателю Кемско-Александровского отделения о выдаче письменного удостоверения о «способностях и успехах по учительской деятельности», так как хотел поступить на должность учителя в какое-либо министерское училище. Он писал:

«Цель перехода из церковных школ в министерские та, что в министерских есть пенсионная касса, поэтому хочется в молодости обеспечить под старость себя и свое семейство»³⁷.

Далее Лысков отмечал, что если ему не придется получить место в министерских школах, то желательно перевести его из Кашкаранской церковно-приходской школы в Умбскую или Керетскую. «В карельские школы мне, как человеку семейному, попадать будет очень нежелательно, поэтому я от них отказываюсь», – сообщал он в своем прошении³⁸. Петр Лысков был сы-

ном крестьянина Шенкурского уезда. Он получил образование в Воскресенском двухклассном училище, затем обучался в Тотемской учительской семинарии, но не окончил ее по болезни. Звание учителя Лысков приобрел по экзамену. Первым местом его службы была Тетринская школа, в которой он работал меньше года. Осенью 1902 года перевелся в Кашкаранскую школу, вскоре женился на дочери дьякона Марии Спировой, окончившей Архангельское епархиальное училище и учительствовавшей в Александровском уезде³⁹. В 1904 году снова преподавал в Тетринской школе, но вскоре вновь вернулся в Кашкаранцы.

В мае 1910 года в своем отчете председатель Кемско-Александровского уездного отделения священник Василий Мелетиев писал о неравенстве финансового обеспечения министерских и церковных школ как о неблагоприятном условии для успешного обучения в последних. Он отмечал, что некоторые учителя, прослужив в церковной школе какое-то время и освоившись с делом, уходят на службу в сельское училище, где рассчитывают на больший оклад жалования, или переводятся в другой уезд, где условия жизни легче. «Неравенство вознаграждения бросается в глаза самим учащим, которые очень хорошо сознают, что они выполняют одинаковую работу, а получают за нее значительно меньше», – аргументировал необходимость повышения оклада В. Мелетиев. В качестве наглядного примера он приводил село Варзуга, где одновременно работала церковная и министерская школы:

«Учительница школы весьма опытная в своем деле, служащая школьному делу 20 лет, получает ежемесячно за свой труд 25 рублей, а учитель недавно открытого сельского училища, еще только начинающий свою службу в том же селе, уже пользуется почти в 1.5 раза большим окладом. Такое неравенство становится для учащихся в школах особенно ощутимым в далеких селах Карелии и Поморья, где жизнь очень дорога»⁴⁰.

По архивным документам можно установить, что размер жалования в церковных школах незначительно повышался вплоть до революционных событий, однако уровень жизни учителей Кольского Севера оставался низким. Исследователи отмечают, что в сельских районах Карелии в начале XX века по уровню зарплаты учителя резко отставали от многих представителей провинциальной интеллигенции, с трудом могли содержать семью [4: 187]. Этот вывод справедлив и в отношении учителей церковных школ Кольского Севера, для которых экстремальные

климатические условия существенно снижали качество жизни.

ВЫВОДЫ

Таким образом, размер учительского жалования в условиях северного приграничья на протяжении рассматриваемого периода постоянно увеличивался, однако самим учебным начальством признавался «скудным и недостаточным». Несмотря на усилия Епархиального совета по увеличению финансирования, размер жалования учителей церковных школ Кольского Севера не обеспечивал жизнь в отдаленных северных приходах, о чем свидетельствуют их личные прошения. Перебои с получением жалования в условиях затрудненного транспортного сообщения и бедности сельских обществ, нередко

отказывающих в добровольных взносах на содержание школ, не способствовали укоренению учителей на Кольском Севере. Для священства Кольского Севера была характерна частая смена места жительства [14: 8]. Учительство церковных школ представляло собой намного более подвижную социальную группу. Суровый климат, дороговизна жизни, отсутствие своего жилья и хозяйства приводили к частой ротации учительских кадров. Материальный фактор играл в профессиональных миграциях определяющую роль. Учащие из школ грамоты стремились переходить на службу в церковно-приходские, из церковных – в министерские, из бедных приходов – в более обеспеченные, а из самого северного Кольского уезда перебираться в более южные селения Русского Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7. Л. 40–40 об.
- ² НА РК. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 21 об.
- ³ ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 11. Л. 168.
- ⁴ Там же. Л. 163 об.
- ⁵ Там же. Л. 164.
- ⁶ Там же. Л. 168.
- ⁷ Архангельские епархиальные ведомости (далее – АЕВ). 1906. № 20. С. 629.
- ⁸ Там же. 1905. № 21. С. 846.
- ⁹ В 1899 году в связи с переносом административного центра из г. Колы в г. Александровск переименован в Александровский уезд Архангельской губернии.
- ¹⁰ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 7 об.–8.
- ¹¹ АЕВ. 1890. № 11. С. 193–194.
- ¹² ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 49. Л. 4.
- ¹³ Ушаков И. Ф. Города, районы, населенные пункты: подборка статей из периодических изданий, 1965–2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kolanord.ru/html_public/col_avtory/UshakovIF/UshakovIF_Gorodarajonu-naseleennye-punkty_2022/16/#zoom=z (дата обращения 26.12.2024).
- ¹⁴ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 183. Л. 13.
- ¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 8.
- ¹⁶ С 1899 года Кемско-Кольское уездное училищное отделение переименовано в Кемско-Александровское.
- ¹⁷ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 1/16. Л. 7 об.–8.
- ¹⁸ Там же. Л. 10 об.
- ¹⁹ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 619.
- ²⁰ Там же. Л. 35–35 об.
- ²¹ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 2/20. Л. 13.
- ²² Там же. Л. 13 об.–14 об.
- ²³ АЕВ. 1904. № 11. С. 459.
- ²⁴ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 12/172. Л. 4.
- ²⁵ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1044. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Д. 1020. Л. 15.
- ²⁷ Там же. Д. 1020. Л. 49.
- ²⁸ Там же. Д. 1312. Л. 57.
- ²⁹ Там же. Д. 313. Л. 23.
- ³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 12.
- ³¹ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 6/72. Л. 37.
- ³² Там же. Л. 57.
- ³³ Там же. Д. 7/92. Л. 8.
- ³⁴ ГААО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 993. Л. 8.
- ³⁵ Там же. Д. 1522. Л. 19.
- ³⁶ Там же. Д. 49. Л. 44.
- ³⁷ НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 8/104. Л. 37–37 об.
- ³⁸ Там же.

³⁹ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 283. Л. 207.

⁴⁰ ГАОО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1531. Л. 180 об.–181.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардилева Ю. П. Просветительская, миссионерская и социальная деятельность православного духовенства Кольского Севера на рубеже XIX–XX вв. // Святейший Правительствующий Синод в истории и культуре России. К 300-летию принятия Духовного регламента: Сборник научных трудов. СПб.: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2023. С. 136–149.
2. Гончаров М. А., Плохова М. Г. Церковно-приходские школы и их место в подготовке учителей в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2012. Вып. 2 (25). С. 101–117.
3. Гуркина Н. К. Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX веков. СПб.: Нестор, 1998. 218 с.
4. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
5. Илюха О. П. Сельский учитель в Олонецкой губернии: труд и социальный облик // Из истории русской интеллигенции: Сборник материалов и статей к 100-летию со дня рождения В. Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 426–443.
6. Казакова К. С. Первоначальное обучение детей коренного населения Кольского Севера в конце XIX – начале XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9, № 2-13. С. 23–30. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.23-30
7. Казакова К. С. Учитель и/или наставник: участие священников в деле народного просвещения на северных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 247–259. DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/247-259
8. Калинина Е. А. Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 264 с.
9. Кукушкина Н. А. Общеобразовательная деятельность церковно-приходских школ Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX в. // Ante annum: Сборник научных работ. Петрозаводск, 2003. С. 145–155.
10. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 366 с.
11. Пулькин М. В. Приходские школы Олонецкой епархии в XIX – начале XX вв. // Studia Humanitatis. 2024. № 4 (8).
12. Пчела И. В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 76–85. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/76-85
13. Терещенко Е. Ю., Федоров П. В., Малашенков А. А. Русская Арктика: от становищ к «колониям» (адаптация, семья, культура) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2 (113). С. 9–22. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-113-02-9-22
14. Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Международный банковский институт, 2017. 232 с.

Поступила в редакцию 09.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Ksenia S. Kazakova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5071-4947; k.kazakova@ksc.ru

MATERIAL SUPPORT OF PARISH SCHOOL TEACHERS IN THE KOLA NORTH FROM 1890 TO THE 1910s

Abstract. Based on a wide range of archival materials, introduced into scientific circulation for the first time, the article analyzes the issue of material support of parish school teachers in the Kola North from 1890 to the 1910s. The relevance of the study is determined by the need to study the influence of the material factor on the socio-professional status of teachers. It is shown that the material conditions in northern parishes were difficult, especially in the Sami parishes (pogosts). References to harsh living conditions in the North can be traced both in the documents of Kemsko-Aleksandrovsky District School Department and the personal petitions of teachers of that time. The amount of teachers' salaries during the studied period was steadily increasing, but even the educational authorities themselves recognized it

as “meager and insufficient”. Harsh climate, high cost of living, lack of teachers’ own housing and household led to frequent rotation of school teachers. It is concluded that the life of parish school teachers was closely connected with the life of the entire local community of the Kola North.

Key words: teaching, financial situation, quality of life, parochial school, Kola North

Acknowledgements. The article was financed from the federal budget as part of the state research task No FMEZ-2024-0002 “The dynamics of the socio-cultural image of the Kola North in the context of the history of the Russian Arctic frontier exploration” assigned to the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kazakova, K. S. Material support of parish school teachers in the Kola North from 1890 to the 1910s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):102–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1189

REFERENCES

1. Bardileva, Yu. P. Educational, missionary, and social Activities of the Orthodox clergy of the Kola North at the turn of the 20th century. *Holy Governing Synod in the history and culture of Russia. Celebrating the 300th anniversary of the adoption of the Spiritual Regulations: Collection of research papers*. St. Petersburg, 2023. P. 136–149. (In Russ.)
2. Goncharov, M. A., Plokhova, M. G. Parish schools and their place in the preparation of teachers in Russia in late 19 – early 20 centuries. *St. Tikhon’s University Review. Pedagogy, Psychology*. 2012;2(25):101–117. (In Russ.)
3. Gurkina, N. K. *Intelligentsia of the European North of Russia in the late XIX and early XX centuries*. St. Petersburg, 1998. 218 p. (In Russ.)
4. Ilyukha, O. P. School and childhood in a Karelian village in the late XIX and early XX centuries. St. Petersburg, 2007. 304 p. (In Russ.)
5. Ilyukha, O. P. Rural teachers in the Olonets Province: work and social portrait. *From the history of Russian intelligentsia: Collection of materials and articles commemorating the 100th anniversary of V. R. Leykina-Svirskaya*. St. Petersburg, 2003. P. 426–443. (In Russ.)
6. Kazakova, K. S. Initial training of children of the indigenous people of the Kola North at the end of 19th – beginning of the 20th century. *Transactions of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2018;2:23–30. DOI: 10.25702/KSC.2307 5252.2018.9.2.23-30 (In Russ.)
7. Kazakova, K. S. Teacher and/or mentor: priests in the public education in the northern periphery of the Russian Empire in the Late 19th – early 20th centuries. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 2024;3:247–259. DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/247-259 (In Russ.)
8. Kalinina, E. A. *Public schools of the Olonetsky region in the XIX and early XX centuries*. St. Petersburg, 2009. 264 p. (In Russ.)
9. Kukushkina, N. A. Educational activities of church parochial schools of the Olonets Province in the late XIX and early XX centuries. *Ante annum: Collection of research works*. Petrozavodsk, 2003. P. 145–155. (In Russ.)
10. Leykina-Svirskaya, V. R. *Russian intelligentsia in the second half of the XIX century*. Moscow, 1971. 366 p. (In Russ.)
11. Pulkina, M. V. Parish schools of the Olonets Diocese in the 19th – early 20th centuries. *Studia Humanitatis*. 2024;4(8). (In Russ.)
12. Pchela, I. V. The economic conditions of teachers of rural schools in the Primorsky region in 1900–1914. *Oikumena. Regional Researches*. 2019;3:76–85. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-3/76-85 (In Russ.)
13. Tereshchenko, E. Yu., Fedorov, P. V., Malashenkov, A. A. The Russian Arctic: from settlements to ‘colonies’ (adaptation, family, and culture). *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2023;2(113):9–22. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-113-02-9-22 (In Russ.)
14. Fedorov, P. V. *Orthodox dictionary of the Kola North*. St. Petersburg, 2017. 232 p. (In Russ.)

Received: 9 January 2025; accepted: 3 March 2025